

ЯКУТСКАЯ ХОДЬБА КАК ПРОФИЛАКТИКА ОСТЕОХОНДРОЗА¹

Очерки по этнопедагогике

Анатолий Цирульников

Говорят «модернизация», а пахнет нафталином. Знакомыми до боли приёмами, интонациями, выражением лиц. Лица новые, а взгляд тот же. Глаза — зеркало души. У модернизации — холодные глаза, самоуверенные, надменные и услужливые, заглядывающие в глаза начальству. Но, может быть, мы ошибаемся и то, что осуществляют сегодня в системе образования сверху, — самое нужное?

Но почему это происходит перпендикулярно жизни?

А чем дальше от глаз модернизации, тем живей, интересней, сложнее, удивительней. Маленькая школа, Бог знает где, а — открытие, зеркало явлений и процессов, которые происходят сегодня на самом деле, а не в постановлениях и приказах. Увидеть и осмыслить эти живые процессы в образовании — ради этого стоит походить, поездить... Но зачем так далеко? Почему Якутия? Потому что она, как алмазы, раскрывает не якутские проблемы и способы их решения. Почему удаётся? Возможно, благодаря культурной почве, которая — парадоксально, здесь, на вечной мерзлоте — сохранилась на удивление лучше, пример того, как выживать школе в условиях, для жизни не самых подходящих. Если это возможно тут, то уж в других местах — тем более. Между тем самое поразительное — Якутия не выживает, а живёт. Эти очерки, мы убеждены, о чём-то очень важном, нужном нам сегодня. Они обращены к педагогике с человеческим лицом и смыслёнными глазами. В данном случае якутскими. Глядя на них, наполняешься уверенностью, что на национальной окраине, могут начинаться не только бунты и революции...

1

Журнальный вариант. Полностью книга опубликована: *Цирульников А.М.* Девять ночлегов с воином, шаманом и кузнецом // Сельская школа со всех сторон. 2003. № 3 (56)

ВВЕДЕНИЕ

Засидишься на одном месте, лезут болячки, а с ними хандра, и когда она достигает высшей точки и жизнь становится невыносимой, я прибегаю к испытанному средству — собираю свой рюкзак и уматываю на край света. Действует безотказно. А если ещё в том краю встретится такой же (по глазам видно) кочевник, а также поэт, шаман, филолог и реформатор национальной школы, считай, два сапога пара. Поэтому сразу представлю своего верного спутника, он присутствует на протяжении всего нашего повествования, даже когда молчит. Когда якуту плохо, он молчит, молчит. Думает. И возникает философия...

Николаю Бугаеву понадобилось всего полгода — нетерпеливый, можно сказать, по якутским меркам человек, для того чтобы определиться насчёт нашего знакомства. Оно было шапочным. Но и в ту первую, мимолётную, встречу я подумал: «Какой породистый». Бывают такие люди, знаете, у которых на лице написано. Какой, подумал я, породистый учёный якут. Таковых раньше никогда не встречал.

Николай Иннокентьевич Бугаев работает в Институте национальных школ Министерства образования Якутии, впрочем, найти его на месте так же трудно, как понять с первого раза, чем он занимается. Собственно, эти его странные на первый взгляд занятия и потянули меня в Якутию. Сначала, честно говоря, я мало что понял. Какая-то сеть школ, разбросанных по республике, одна — на том берегу Лены, куда вместо парома перелетает вертолёт. Музей чего-то там под открытым небом. Гора, где Бугаев обещал раздобыть клыки мамонта. Шаманские школы... Колорит мне сразу понравился.

В Москве, когда мы познакомились, я так понял Николая Иннокентьевича, что они там, в Якутии, пытаются применить в обучении древние шаманские технологии, плюс опыт иудаизма

и прочих мировых религий — гремучая смесь, разобраться в которой тогда мне было недосуг. Но чутьём старого волка я почувствовал, что в этом что-то есть. А собственному чутью я доверяю больше, чем научным методикам.

Полгода спустя после нашего знакомства Бугаев прислал мне по электронной почте письмо, в котором спросил, не хочу ли попутешествовать по шаманским школам. Я с радостью согласился...

Мы путешествовали в срединной Якутии, в пространстве, ограниченном тремя реками — Леной, Алданом и Амгой — район именуется Заречьем по аналогии с Замоскворечьем. Масштабы, правда, другие. Единица измерения «кёс». Как, спрашиваешь, далеко до того места? А, говорят, рядом, сорок кёсов. Потом, оказывается, четыреста километров...

Ещё кёс — расстояние, на которое в течение светового дня передвигался со своим скарбом род и останавливался на ночлег. Якуты вообще считают не по дням, а по ночлегам. При таких расстояниях между населёнными пунктами каждый человек — новость. Поэтому тут не говорят «здравствуй», а говорят — «рассказывай». От кого твой пуп, от кого твоя кровь... Последнее, надеюсь, понятно, а что касается первого, то из этого места, по якутским представлениям, исходит жизненная энергия, поэтому, разговаривая с вами, якут складывает ладони вот так, защищая свой пуп, — показал мне Бугаев.

Итак, мы двигались к школе, в её местном значении и всеобщем смысле. К этому смыслу мой якутский друг вёл меня длинными путями, на одном из ночлегов признавшись, что программа нашего путешествия выстроена по закону «синтаксического параллелизма». Или метода последовательного приближения, углубляющего понятие. Одна из причин, почему якутский героический эпос «Олонхо» — такой длинный. Движение кругами, к сути, по нарастающей.

Теперь этот путь пройден, и у меня есть две возможности. Высказать суть сразу или постепенно. Я решил выбрать промежуточный вариант, спрямив движение по спи-

рали. Вышла ломаная линия, зато моя. Всё равно, что бы ни вкладывали другие, получается *моё* движение, мой путь, моя Якутия, какой её представляю. Моя якутская школа, если понимать под ней способность и желание учиться на каждом ночлеге, дарованном судьбой. И вот ещё что. Оказалось, их ровно столько, сколько полагается по якутской мифологии. Шаманские штучки...

Три ночлега с воином

Из трёх главных действующих лиц якутского эпоса — воина, шамана и кузнеца — фигура воина представляется наиболее понятной. «Он был плохой человек, умер сам по себе», — сказано не про воина. Хороший человек умирает в бою, одолевает препятствия, совершает подвиги. Но во имя чего?

Время для размышлений на эту тему ещё оставалось. В Якутске мы попытались перебраться через Лену на моторке, но на той стороне стоял лёд, поэтому пришлось отправиться в Маган и ждать, пока в вертолёт не наберётся комплект. Перебраться через Лену в межсезонье можно на чартерном рейсе, а дальше аэропортик заглохнет и будут летать только санитарные и пожарные... Но народ, изолированный от цивилизации, духом не падает. В Мукучу, часов двенадцать езды от Якутска, несколько школ из разных посёлков объединились и создали общий центр. В обычное время дети учатся у себя, а на сессии собираются в центральном посёлке, есть несколько потоков, индивидуальные проекты, дипломники, работа с одарёнными детьми, «выездная школа», «вахтовый метод» — в общем, заброшенный куст школ стал конкурентноспособным, дети начали поступать в вузы... А в пойме реки Амги объединились несколько «речных школ», расстояние между которыми меньше, чем до тех райцентров,

откуда ими управляют. Учебную четверть стали заканчивать на неделю раньше и в оставшееся время развозить детей, по «сильным учителям», которые есть в школах. В результате каждая из восьми школ стала в чём-то центром для других. «Они сегодня друзья, в гости друг к другу ездят, в глазах появился блеск», — рассказывала мне организатор этой неофициальной сети, недавно ставшая заместителем министра образования Якутии Антонина Анатольевна Кычкина.

Республика была на подъёме.

Вертолётник долго гудел, раздумывал, раскачивался, как якут, потом в десять минут перемахнул Лену, шириной несколько километров. На другом берегу нас с Бугаевым ждал «уазик» из Таттинского улуса, куда мы направлялись. Пошла дорога... По сравнению с ней дорога в средней России кажется сказкой, гравий — скоростным шоссе. Вспомнилась давняя история, в Голландии, кажется, едем-едем, вдруг колдобины, а, говорю я радостно, это нам знакомо. Объясняют: тут рядом школа, поэтому, чтобы двигались потише, на дороге сделали бугорки. Че-го? Бугорки они сделали. Да если по бугоркам, у нас вся страна педагогическая.

Бугаев смеётся.

А здесь самая лучшая дорога, вот мы на неё свернули — на Магадан.

По дороге заехали в село Норагана к Михаилу Кузнецову, «лучшему физруку Сибири и Дальнего Востока», как представил Бугаев своего коллегу. Это звание Михаил получил на конкурсе учителей физкультуры, где сто сорок детей маленькой школы оказались победителями. Обучение строит на народных играх, что не преминул показать мне у себя дома вместе со своим прыгучим не по возрасту (это я от зависти) товарищем. Из них мне запомнились: упражнение «напои кобылу» (стоя на руках, выпить воду из чашечки), «северный прыжок в высоту» (достать в прыжке ногами подвешенное крыло утки) и «бег горно-стая» — в горизонтальном положении, не касаясь коленями земли и хлопая в ладоши, передвигаться вперёд.

Специального оборудования не требует.

ДЕДУШКА ТАРАТАЙ

Таттинский улус, по-старому район, в советские времена считался националистическим, поэтому выпускникам школ не давали поступать в вузы. Были — секретные циркуляры или нет — неизвестно, но в вузы не брали. Документы принимали, а детей нет. Целый район оказался с «пятым пунктом». Или на верхнем ярусе, если использовать традиционные якутские представления о мироздании: нижний мир (преисподняя), срединный и верхний мир с девятью ярусами, на последнем — «Белый Ар, господин, восседающий на престоле из белоснежных облаков». Чтобы поступить в вуз из Татты, надо было добраться до самых верхних ярусов, быть на несколько голов выше других. И это до сих пор сидит в сознании людей, тревожное отношение, боязнь. Поэтому в школах с особой гордостью говорят: «Наши дети поступают»...

А Татта для Якутии всё равно что для России Ясная Поляна или Пушкинские горы — колыбель национальной культуры. Перед въездом в улус сидит в характерной позе — заложив ногу на ногу и обхватив руками колени — давит на мочевого пузырь для особенного звучания голоса — сказитель-олонхосут. Из Татты вышли все основоположники якутской литературы, первые писатели, художники, учителя. Ландшафт особенный. Кругом тайга, а здесь термокарстовая впадина, оттаявшая в вечной мерзлоте проталина — по-якутски «алас». Микровселенная, вызывающая библейские ассоциации. Чаша озера, луга, покосы. Жёлтый, изредка сиреневый подснежник Севера, дикий лук, табуны диких кобылиц — всё дикое. Уголок райской жизни, благодатного лета, что бывает тут пару месяцев в году. Северней пространство сужается и аласов нет — сплошная тайга. За рекой, в Томпонском улусе, руководитель кружка юных туристов Иван Игошин и дети нашли стоянки сорока сталинских лагерей.

Знаков таких, из того времени, немало. Едешь по магаданской трассе и видишь какие-то блиндажи вдоль дороги. Кабельная телефонная связь между Магаданом и Москвой, прямая, ещё со сталинских времён. Говорят, что в отличие от местной она и сейчас исправно работает, временами являются связисты, проверяют узлы, обрывы, прозванивают.

В Татте не было лагерей и лесоповала, поэтому сохранилось священное Дерево жизни Аал Лууп Мас, коновязь, орнамент, сухие лиственницы, которые чем более причудливы, тем считаются ценнее, никто не срубает. Стоят сухие деревья то там, то тут вместо дорожных знаков. Что они означают? Знак смерти среди жизни? Причудливость — в смысле человеческой личности? Мощные родовые корни на могилах?

Да, лагерей в Татте не было, но полтиссылных — навалом. В селе Черкех — уникальный музей «Якутская политическая ссылка», построен, рассказывала директор, двадцать пять лет назад, методом народной стройки, полторы тысячи субботников. Все этапы перебивали: декабристы, народники, социал-демократы... Много народу прибыло после польского восстания, что видно по фамилиям: Пекарский, Серошевский, немного подальше, на Колыме, есть пик геолога Черского, тоже ссыльного. Молодо-зелено — по двадцать с чем-то лет, из хороших семей, с незаконченным университетским образованием. Здесь и заканчивали, выписывали много журналов, передавали друг другу. Просвещали местное население и сами изучали — быт, верования, этнографию...

В 80–90-е гг. на средства золотопромышленника Сибирякова была снаряжена научная экспедиция. Руководил ею основатель террористической организации «Земля и воля», член Русского географического общества Д.А. Клеменц, а основными участниками экспедиции были проживавшие в разных местностях Якутии ссыльные, имевшие опыт научно-исследовательской, литературной деятельности или склонность к таковой.

Платон Слепцов (писал под псевдонимом Ойунский): первый руководитель советской Якутии, народный писатель, классик якутской литературы — воспитанник тех ссыльных.

Ещё из педагогики Черкеха.

Технология изготовления мяча из конских волос, о которой мне рассказали девятиклассница Эльвира Богатырёва и её мама. Оказывается, когда скручиваешь мячик, внутри образуется твёрдый ком, спираль, связанная с той же самой силой — Кариолиса, которая вызывает в природе мощные вихревые циклоны.

Традиционный мячик и разрушительные вихри — результат действия одних и тех же сил. Лучше их не трогать.

В этом представился случай убедить. С Николаем Бугаевым и Геннадием Решетниковым — заместителем начальника Таттинского управления образования заехали в музей-усадьбу П.А. Ойунского — уникальный в своём роде. Совершенно безлюдная местность, никто не охраняет. Та самая школа-юрта 1906 года стоит на том же самом месте: шесть парт, доска, стол с чернильницей, на столе «Русский букварь для обучения чтению и письму» Вахтерова. Правда, только обложка, а внутри что-то якутски написано. Свет из маленького окошка падает на парты, живой свет, так что кажется, и те ученики живы. «Это парта, за которой я сидел, — говорит Геннадий Решетников, — привезли из нашей школы».

Глядя на этот лучик света в маленькой деревенской школе, невольно думаешь, что же значат упорные попытки закрыть её? Закрывать основоположников, закрыть эпос, закрыть культуру? Родной язык трудно обмануть, есть сходство, не правда ли, в звучании слов — «реструктуризировать», «репрессировать», «революция», «регенерация»...

«Ре» — изменения. Куда? — обсуждаю со своими спутниками. Они говорят: в обратную сторону, наверное...

Через речку Татту устроен паром, который сам двигаешь: тянешь трос, натянутый между берегами, и переходишь реку. На одной стороне школа, а на другой дом,

«Жил здесь шаман...
Нет больше здесь
 шамана.
Жертв и даров не будет
 небесам...
От южной мудрости,
От жгучего дурмана
Отрёкс сам он,
Он отрёкс сам...»
«Прочь колдовство!
 Сгинь! Рухни!
Пусть пропадет
 камлание!
Молитв не ждите,
 духи, —
Молчат уста шаманы.
Мой дымоход
 забудьте...»

Платон Ойунский
«Красный шаман»

где жил Ойунский. Коновязь, узоры, сухое дерево. Один мой спутник встал на паром, тянет: «раз — два» — тяжело. Другой встал. Потом я. Паром лязгнул, сдвинулся с места.

Надо сдвинуть... Собственно, тут ничего и не было другого, при Ойунском: одна юрта на этой стороне реки, другая — на той. И всё, птицы поют. Местность называется Делбэрийбит, можно перевести «треснуло», можно — «разродилось». И какое совпадение, говорят мне, что разродилось таким вот человеком...

Ворота к нему открыты — в прямом смысле. Якутские ворота просто жердь вынул, вставил — и все ворота. Только выехали, лопнула шина на колесе. И на запасном — тоже. Мимо на полувоенном «Урале-вахтовке» проехали, будто из того времени, «блиндажисты» — те, что прозывают связь между Москвой и Магаданом. Мои спутники удивились: сколько тут ездят, никогда не встречали. Что за бесовщина. Сидим... «Духов не покормили», — вспомнили мои спутники одну из возможных причин происходящего.

С озера слышится утробный звук. Выпь, наверное. Места тут хоть по якутским меркам и оживлённые, но засесть можно надолго. Берем лепёшку с маслом и кидаем в овражек, в воронку — духам.

Скоро на безлюдной дороге показывается «уазик».

По необъяснимому совпадению обстоятельств зять одного из спутников едет по этим местам на охоту...

Пробуждение перспективнее засыпания

Посёлок, где я жил, центр Таттинского улуса Ытык-Кюёль, напоминает по звучанию киргизское «иссык-кюль». Большое село, семь тысяч народу, нагромождение бараков, среди которых странно выглядит свеженький современный театр с куполом в национальном стиле и дом для приезжих, холодный, с евроремонтом. Кормят, однако, вкусно, по-домашнему, местные вафли, пресные,

на молоке, тёплые оладьи. В первый день лета — 22 мая, полагается, сказали, есть оладьи и утку. До этого должна прокуковать кукушка, тогда, считается, лето будет хорошим. Все интересуются друг у друга: не слышали кукушку? Прокуковала?

А вообще-то обыкновенный райцентр, как везде. Площадь, кумачовое полотнище с приветствием, на улице попадаются крутые «тачки», по вечерам, посоветовали мне, не гуляйте, лучше утром, около здания администрации.

«Жизнь ещё круче пойдёт. Рыночная экономика ещё жестче будет, — заверил меня в конце нашего разговора молодой глава администрации Таттинского улуса Михаил Серов, — нам надо выжить...»

Но вначале — проснуться. Как-то утром в Ытык-Кюёле я услышал необыкновенную историю: несколько здешних учительниц, недовольных школами, в которых учатся собственные дети, объединились и создали свою. Полную, с первого по одиннадцатый класс. Пока воскресную, размещающуюся в здании детской библиотеки. Называется школа — «Пробуждение». Сюжет настолько красноречивый, что говорил сам за себя. Не заглянуть было невозможно.

Попал прямо на занятие. Десять детей разного возраста собирались делать газету. Вместе с двумя мамами-учительницами и тремя редакторами: «районки», местного телевидения, а третий — я, которого, оказывается, — не упустить же случай — включили в сценарий урока.

Это первая особенность «Пробуждения»: открыли глаза, посмотрели вокруг, кого тут ещё можно к нам позвать?

Занятие идёт на якутском, но так прозрачно, ясно, кажется, понимаешь без слов.

Вот выходит учительница якутского языка и литературы и показывает, какая раньше была газета. Вот «Коммунист». А это наша республиканская газета, тридцать девятого года, с портретом Сталина. А вот 1941-го... Посмотрим газеты, какие в них рубрики были. Сравним с сегодняшними... Определим для себя рубрики, какие статьи вы бы написали?

«В школе мы должны развивать свои таланты». «Хотим, чтобы школа была без парт». «Почему, долго сидеть трудно?» — спрашивает учительница. «Нет, чтобы самому что-то делать», — отвечает ученик.

«В той школе, где я учусь, лучше, чтоб вообще уроки были по пятнадцать минут. Но если бы такую школу, которую хочу — на колёсах, — я бы в ней занимался целый день».

«Я не хочу, чтобы учитель надо мной стоял, лучше, чтоб он вместе с нами».

«Я тоже могу учителей чему-то научить».

Потом учительница спрашивает сидящего здесь, на занятии в детской библиотеке, редактора местной газеты: какие специалисты делают номер. И он выходит перед детьми и рассказывает: вы их знаете — вот такой-то корреспондент, такой-то корректор и так далее.

Верстальщик-родитель сидит, кстати, тут же, за компьютером, он будет набирать газету, которая к вечеру должна выйти. «У газеты бывает тираж, бывают общественные корреспонденты, — продолжает рассказывать редактор местной газеты, — вы тоже можете туда писать»

Дети что-то пишут. Посмотрим, продолжает ведущая занятие учительница, кто с кем может объединиться, чтобы написать статьи. Кто ходил в поход в Хара-Алдан, может, объединитесь?

Класс, если можно его так назвать, разбит на три группы: по теме заметок. Вот, скажем, «Школа двадцать первого века глазами учителей и учащихся». Сидят, обсуждают содержание заметки и записывают.

Другая группа описывала, как в отдалённом селе на реке Алдан видела подлёдный лов, там есть маленькая школа, с которой эта подружилась, а в ней клуб любителей рыбалки, они посетили, им понравилось.

Яша Спиридонов из 6«А» нарисовал кукушку — эмблему необыкновенной школы, приютившейся в детской библиотеке. Почему кукушка? Потому что кукушка, о которой все сейчас спрашивают, — символ пробуждения природы. Кукушка кукует — природа пробуждается. Раз у нас школа «Пробуждение», пускай будет такая эмблема. А другая девочка предлагает сделать эмблемой «компас жизни», и вот они обсуждают, нельзя ли объединить с кукушкой. Обсуждают дети и взрослые — учителя, родители.

«...Вот мы посоветовались в своей группе и решили, — говорит Изабелла Сивцева, заведующая методической службой управления образования, — что план газеты будет такой: передовица, туристические новости, проба пера... как вы считаете?»

Когда дети и взрослые собрались тут, параллельно объясняют мне по-русски, они решили, что обязательно будут заниматься туризмом. Чтобы приехал человек вроде вас, а дети бы ему рассказывали. А для этого они сами захотели посмотреть разные места...

Смеются о чём-то. Оказывается, девочки предложили рубрику в газете: «Сердечные тайны». Кто-то говорит, нельзя тайны выдавать. Учительницы смеются.

Вот как-то совместили в эмблеме: «компас жизни» с «кукушкой» и ещё солнце прибавили, утреннее...

Солнце и на обложке первой книжки пятиклассницы Вали Протопоповой — «Росточек». Замечательные рисунки нарисовала Валя — прозрачные, нежные, такие же, наверное, и её стихи, сказки, жаль, не знаю якутского...

А теперь пора, говорят, нам подумать о наших летних маршрутах, давайте определяться, где будет лагерь. Только имейте в виду, мы на одной базе жить не будем, а каждый день будем по разным маршрутам ходить, пешком, на байдарках... На следующее занятие мы должны принести маршруты и написать, чем хотим заниматься. Всё это объединим и сделаем план нашего лагеря.

«Заодно, видите, — подсказывают мне, — родители с детьми летний отдых себе организуют...»

Грех не поговорить с родителями, они же учителя этой школы и обыкновенных. Изабелла Сивцева, Дора Неустроева, Мира Луковцева, Акулина Николаева, Яков Спиридонов, Людмила Будикина... Никого не забыл? По-моему, стоит назвать каждого поимённо, такое ведь не каждый день случается, может быть, раз в сто лет, чтобы учитель перешёл на позицию родителя, родитель — учителя, и все это объединилось в одних лицах. И легко снялось вечное противоречие между семьёй и школой, обществом и государством, мучительная раздвоенность, необходимость выбора между сердцем и разумом, который сделан ими в пользу сердца. Или разума? — с этим ещё надо разобраться...

Учителя нарисовали мне разные картинки, поясняя свою концепцию. От дополнительного образования — к науке, образовательным областям, индивидуальным проектам. Через пересечение разных кругов: театра, музея, клуба, мастерской... По ступеням мастерства: первые три ступеньки — ученик — подмастерье, ещё три ступеньки — и диплом «мастера-соавтора» (что-то вместе с мастером делает), потом мастера... «Девять ступеней, как в якутском героическом эпосе?» — заметил я, уже подготовленный предшествующими днями путешествия.

Мотивы? Множество, говорят мне вышеупомянутые лица, объединившиеся под крышей «Пробуждения». Первое — мы народ, не удовлетворённый тем, как идёт образование наших детей. У детей нет времени, и мы сами их загоняем. Поэтому хотели создать такую школу, в которой бы не загонять программой, а развивать интерес. Идти не от основного к дополнительному образованию, а наоборот.

Школа «Пробуждение» — молодая, современная, как современные работающие в ней люди, в ней чувствуется дух педагоги Александра Тубельского, Олега Газмана, свободной, не формальной школы. Но всё-таки дело происходит в тридцати с чем-то «кёсах» (трёхстах километрах) от Якутска, в улусе, где на каждом шагу — родовые деревья, коновязи, избушки могильников. Поэтому и этой школе не обойтись без этнокультуры. С их точки зрения это означает привлечь в школу мастеров, но не обязательно только режущих, пилящих — редактор газеты, который работал с детьми на занятии, тоже мастер, и музейный работник, и эколог, и спортсмен... Школа открыта для всех.

Сегодня в «Пробуждении» — сорок два ученика. Сначала, объяснили мне учителя-родители, были только наши, потом присоединились друзья наших детей, потом дети наших друзей. Смеются: «друзья друзей»... Занимаются не только в библиотеке. Приходят домой и там это продолжается. Созваниваются: где сегодня собираемся?

Ещё мотив — дать детям возможность попробовать себя в разных делах, найти себя. В школе есть туристы, экологи, журналисты, есть группа, пробующая себя в литературе, есть научные доклады — объясняет мне отец того мальчика, который нарисовал эмблему — кукушку. Отец — учитель черчения и труда в одной из школ райцентра. Ещё в «Пробуждении» есть биолог, математик, учитель русского языка, учительница начальной школы — девять человек, по всем предметам. «Есть даже попечитель — физик», — смеются. «Почему физик?» — «Она, — объясняют, — бывший учитель физики, ушла

в коммерцию и теперь нам помогает — обеспечивает лагерь...»

Одна подумала: «У нас же ещё есть мужья-водители. Так что получается больше».

Они есть и в то же время их как бы и нет. Ни в каких бумагах школа «Пробуждение» не числится. Всё — на интересе, на общественных началах. Так что в любой момент могут сказать: ну, какая это школа, никакой школы нет. Весной ездили на конкурс федеральных площадок, и один известный столичный педагог сказал — даже не посмотрев, — что таких школ быть не может.

Какие перспективы?

Возможно, создадут частную школу. Есть план организовать курсы для взрослых, которые хотят чему-то научиться. Проект, согласно которому учителя из обычных школ проходили бы переподготовку, смотрели, как можно по-другому с детьми работать, — тут была бы «площадка открытого образования»...

Я закрыл глаза и попробовал себе это представить: учительницы из «закрытых школ» приходят в эту «открытую»... Что-то не получалось представить.

«А какие у вас отношения с официальной системой?» — поинтересовался я. Рядом со мной сидел Геннадий Решетников, заместитель начальника Таттинского управления образования по инновациям, можно сказать, свой человек, не в счёт, а даже он, говорят, не сразу принял.

Ситуация-то, если вдуматься, действительно экстраординарная, непривычная для системы.

Смотрите, что происходит. Есть учителя, которых система считает своими надёжными винтиками (а могут быть и директора, управленцы разного ранга — вы не забыли про заведующую методической службой?). И вот, оставаясь таковыми, прощу заметить, из системы не выпадая, они вдруг одновременно превращаются в свободных людей, мам, пап, педагогов, мастеров и создают для своих детей и их друзей школу, где царят свобода и мастерство. Как на это реагировать?

Администрация одной из школ запретила своему учителю заниматься с детьми в «Пробуждении». То есть маме запретила?

«А ваши коллеги — учителя, они как относятся?» — «Интересуются, хотят, чтобы их детей тоже взяли, помогают... Насчёт этого мы не боимся». — «Извините, пожалуйста, у меня урок сейчас», — сказал один учитель и побежал в свою обычную школу.

А они ведут дневники — о своей необычной. Каждый день происходит что-то интересное и может получиться увлекательная книжка. Может быть, кто-то поможет им написать её? Увидеть и осмыслить происходящее, ведь это важно для многих. То, что происходит с ними и с окружением. Как неожиданно меняются позиции и роли, снимаются одёжки-застёжки и преодолеваются непреодолимые, казалось бы, преграды. Как люди освобождаются от догм, страха, одиночества и протягивают друг другу руки. *Живое движение* — то, чем они являются, интересней самой совершенной застывшей формы. Пробуждение перспективней, чем засыпание.

Что они там живо обсуждают по-якутски, о чём говорят между собой? О политике? О зарплате? Оказывается, выясняют, куковала ли кукушка. И с радостью сообщают мне: уже куковала!

Во времена потопа

Кукушка прокуковала, первый день лета был замечательным. На другой — выпал снег. Мы отправились в Хара-Алдан, из которого виден Верхоянский хребет, снежные горы — неременная часть пейзажа за рекой. Из местных там, говорят, никто не был, только охотники. Но на рисунках детей («моя малая родина») обязательно присутствует река, а за ней гора. Как мечта, заметил один из моих спутников.

Но нам было не до мечтаний, на Алдане, когда туда добрались, попали в настоящее половодье.

Наконец, выбрались на открытое пространство и пошли по Алдану — полноводной широкой реке, с ледниковыми притока-

ми. Наводнения здесь в год по несколько раз, тает лёд — «белая вода», проходит в верховьях дожди, смывая грязевые потоки — «чёрная»... Нам повезло — вода поднялась только на двенадцать метров, есть резерв, бодро сообщили из Хара-Алдана, при тринадцати выливается на улицу. В прошлое половодье, когда была катастрофа в Ленске, тут тоже заливало деревни, вода шла и как щепки рассыпала дома. В одном месте спасла школа, она была двухэтажная, и вся деревня забралась на крышу, даже скот загоняли. **Сельская школа, сыгравшая роль ковчега, в котором спасался Ной во время библейского потопа, — такого не придумаешь.**

Мы проплыли вдоль растянувшегося на несколько километров села, свернули и через футбольное поле въехали на моторке прямо в школу, внешне ничем не примечательную, неказистую. Здание бывшего холостяцкого общежития, с длинным коридором, темновато, освещения не хватает — не жаловалась, а просто констатировала директор Ольга Николаевна Самсонова, преподающая в первом классе шахматы. Тут вообще никто ни на что не жалуется.

В Хара-Алданской средней школе учится девяносто учеников, поэтому она и без половодья находится в зоне затопления, её в любой момент могут ликвидировать или понизить в статусе до девятилетки, сделать чьим-нибудь филиалом. Но всё равно добираться сюда будет так же трудно, связь плохая («Или они нас не слышат, — сказала директор, — или мы их не слышим»).

Приходится самим что-то придумывать.

В начале учебного года, к концу которого я приплыл в школу, дети предложили свои предметы, под эти предметы собрались учителя. Показали мне, что получается.

На одном из предметов, литературно-музыкальном, вырисовывалась «Русалка». Она была ещё не готова. Делали декорации, разучивали слова. Гоголь перемежался с Андерсеном, а Даргомыжский — с песнями на стихи Рубцова. Одна родительница тихонько наигрывала на синтезаторе, а другие, вместе с детьми и учителями, изготов-

ливали цветы для сада русалок. «...Когда тебе исполнится 15 лет, тебе разрешат всплывать на поверхность моря и смотреть на плывущие мимо корабли...»

Есть клуб путешествий, рыбалки и охоты...

«Хорошие лица у ваших ребят», — сказал я директору, просто так, чтобы сделать приятное. Она заметила, тоже между прочим: «Двадцать лет назад были другие».

Оказывается, тогда в пьяном, разваливавшемся как, вся брежневская страна, Хара-Алдане собрался сход, в основном женщины и старики, и принял решение — не торговать в селе алкогольными напитками, даже пивом. И вот прошло двадцать лет. Чистые лица, здоровые дети. «Самая большая проблема, что урок пропустят. И не дерутся, странно, — сказала директор, — мирные такие...» Я стал приглядываться внимательней.

В Хара-Алдане в цене то, что переоценке не подлежит: тайга, река. Река тут как хлебное поле. Лодка с мотором — корова-кормилица. Раз, рассказывают учителя, попали в город — чуть не задохнулись, фонтан искали. Там, где нет реки, как-то не так дышится. Жизнь на большой реке — особенная.

Но если не живёшь, а со стороны — попасть впросак можно. Смотришь на Алдан — тихая река, плавная, наверное, говоришь, в ледоход у вас красиво. Угу, говорят, когда надвигается льдина с двухэтажный дом, мы бежим вон туда, на гору...

Директор бежит, и завуч со своими пятью коровами — за лесом, на запасной горе, построены временные жилища, называются «дачами».

Им тут смешно, когда смотрят по телевизору конкурс на выживание.

Вот всё это — Хара-Алданская школа.

С одной стороны, она сельская, убогая, маленькая, удалённая, информационный вакуум. А с другой стороны, многие в Хара-Алдане стихи пишут. Музыка сочиняют. Мелодистов много, самодеятельных композиторов, художников — вся школа в учительских и ученических картинах, помните, где за рекой — гора?

Вот пейзаж, что о нём скажешь? С одной стороны, да, далековато от проверяющих, дико, дети из-за дороги во многих видах спорта в соревнованиях не участвуют. А в которых участвуют — побеждают. С одной стороны, верно, кругозор узок, а с другой — откуда смотреть...

На одном из предложенных детьми учебных предметов под названием «путешествие» — хотели отправиться из Хара-Алдана по всему свету, но потом решили сначала по родному краю. Выяснилось, что пятьдесят лет назад группа людей сделала восхождение на Верхоянский хребет, не самый высокий в мире, но скалы, лёд — труднопроходимый. Инициаторами экспедиции были тогда сын классика якутской литературы Кулаковского и местный учитель биологии, а поднимались с ними на гору двадцать школьников. Нынешние ученики решили повторить восхождение и разыскивали старых участников.

Беседу с одним из них я смотрел вместе с ребятами на видеоплёнке. Вот, говорит участник того похода, мне было семнадцать лет, а сейчас семьдесят. Вспоминает: делали восхождение в июле, было сыро, холодно, снаряжение, еду — всё несли на себе. В конце недели, на шестой или седьмой день, уже были у подножия хребта... «Это вселяет надежду, — комментирует рассказ того участника учитель (как его правильно назвать — «учитель путешествий»?), — они шли пешком, а мы можем где-то и на тракторе. У нас ведь, — поясняет он мне, — пойдут и младшие».

...На самом вершине, продолжает участник того похода, оставили бутылку — какие-то записи, имена, наверное, были, он не помнит. Бутылку закрыли, заложили камнем, если подниметесь, говорит, найдёте. Гору назвали Пионер...

Человек на экране вспоминает, даёт советы, так, говорит, не делайте... Тоже вроде учит.

Мне показали фотографии той первой экспедиции. Многих уж нет. «Очень хотят, чтобы мы осуществили это восхождение, повторили». — «А вы гору переименовывать не собираетесь?» — спросил я

ребят. Они удивлённо отрицательно закивали головами...

В ночь перед последним школьным звонком (всё я не вовремя — приплыл в половодье, надумал рыбачить перед экзаменами) педагогический коллектив свозил меня с ночёвкой в зимовье Булустах, место такое — вечные льды, речка с ледников течёт, там родина организатора внеклассной работы Татьяны Гавриловны Новгородовой. Там «Етёх» — необитаемое, брошенное место, следы дома, в данном случае отделения колхоза, от которого остались юрты, изгороди... «Когда это было?» — спросил я. «Давно, — ответили, — при социализме». Я вспомнил, что сказал до этого мой проводник по Якутии Николай Бугаев. «Мы, — говорил он, — не трогаем необитаемых мест, следов прошлой жизни, сухих деревьев. Не поливаем их, как мальчик в фильме Тарковского, а просто бережно относимся...»

До белых якутских ночей было ещё две недели, но по сравнению с Москвой и даже Питером это была ослепительная белая ночь, яркое солнце за полночь и костёр, учителя, используя случай, веселились от души, бегали, прыгали, как дети, и, глядя на них, я понял, чему они учат своих учеников. Народной борьбе «хапсагай», в которой проигрываешь, если задеваешь хотя бы пальчиком землю. Главное, не атака, а удержание равновесия, тот, кто нападает, обычно проигрывает. *Вот смысл учения: быть воином, но не нападать, удерживать равновесие.* Быть в ладу с собой, во дворце или в охотничьей сторожке, где зимой вместо стёкол пять слоёв целлофана, растопишь печку — жарко, засыпаешь, когда начинает остывать, а утром кружка наполовину полна льда. Из жары в лютый холод — закалка воина. Перепады температуры бывают до ста градусов, но во всей срединной Якутии младшие школьники учатся при -52° , а старшеклассники — при -56° .

Впрочем, в Хара-Алдане не все такие уж северные волки, как я старательно тут

выписываю. Один из этой учительской компании недавно приехал из села, где нет реки, и не умеет ловить рыбу, а другой признался, что не по этому делу (о чём я узнал в разгар ночи, в половодье, распутывая с ними сети на лодке, которая чуть было не перевернулась). Потом они позвали меня на охоту, но я был благоразумен и пошёл спать на медвежью шкуру. Да и какая здесь охота, говорили мне сведущие люди, вот на севере... Подстерегают оленья стада, переходящее реку, и прямо в воде закалывают пиками. «Но это же убийство», — сказал я. «Нет, — не согласились со мной, — еда — вопрос жизни. Жить-то людям надо».

Из якутских сказаний, которые учат дети в Хара-Алдане.

«Было время осеннего возврата диких оленей, когда они стадами переплывали реку...»

«Рассвет полосой не шире лезвия ножа».

«Маленький костёр, дым от которого не больше, чем от закуренной трубки...»

Учиться у оленей, у рассвета, у закуренной трубки... Или у телевизора, который в Хара-Алдане плохо работает?

Поэтому на третьем ночлеге я переосмыслил концепцию школы. Сельской ли, городской — неважно.

Раньше я считал, что у школы, положим, сельской, есть свои преимущества и недостатки, плюсы и минусы, которые надо компенсировать. А в Хара-Алдане пришёл к выводу — не надо ничего компенсировать. Нет никаких плюсов и минусов, всё зависит от желания учиться у жизни и умения оборачивать недостаток преимуществом.

Взял тетрадь и записал на память: «Модель сельской маленькой удалённой школы, у которой все недостатки — это преимущества».

Узок кругозор — соверши восхождение. Тонешь в мелочах жизни — пльви.

Такая школа, только во время всемирного потопа в ней спасается человечество.

Продолжение следует.

